

Лу Яо никак не мог признать, что первоначальный хозяин тела покончил с собой из любви; какое отношение к нему имели грехи первоначального хозяина?

Лу Яо притворился робким и жалким, схватившись за грудь и слегка кашляя. «Я слышал, что у него вспыльчивый характер. Я сам не в добром здравии и не могу выносить удары или ругань. Когда я услышал, что отец выдает меня замуж за кого-то вроде него, я просто не мог этого вынести...»

Вчера тетя Чжао упомянула, что Чжао Бэйчуань однажды сломал кому-то руку, так что это оправдание не было слишком надуманным.

Мадам Тянь бросила понимающий взгляд. «Не волнуйся. Да Чуань не из неразумных. Просто живи своей жизнью в мире и никогда больше не думай о том, чтобы сделать что-то подобное».

«Ладно».

Пока Лу Яо провожал госпожу Тянь, его живот начал урчать. Утром он был слишком занят, занимая деньги у семьи, чтобы купить горшок, и не успел поесть, а теперь он умирал с голоду.

Воспользовавшись тем, что огонь в печи все еще горел, он положил в горшок просо, чтобы сварить.

Чжао Сяонянь и Чжао Сяодоу вернулись все вспотевшие. Проведя утро вместе, они гораздо лучше узнали Лу Яо и больше не были такими застенчивыми, как раньше.

«Ты готовишь?»

«Да, я готовлю пшеничную кашу. Скоро будет готова».

Чжао Сяонянь присела рядом с ним на корточки, не решаясь заговорить. «Могу ли я... могу ли я называть тебя невесткой?»

Лу Яо улыбнулся. «Конечно, называй меня как хочешь».

«Невестка!» Черно-красное личико Чжао Сяонянь озарилось яркой улыбкой.

За ее спиной Чжао Сяодоу застенчиво прошептал: «Сестра».

Лу Яо посчитал этих двух детей забавными и продолжил болтать с ними. «Так вы больше меня не боитесь?»

«Немного, но бабушка Чжао вчера сказала нам, что ты человек, а не призрак. Плюс, ты помог нам сегодня помыть голову, так что мы больше не так напуганы».

Лу Яо протянул руку и взъерошил волосы Чжао Сяонянь, пушистая текстура которых напомнила ему о маленьком зверьке. «Как вас зовут? Сколько вам обоим лет?»

«Меня зовут Чжао Сяонянь, потому что я родилась на праздник Сяо Нянь», — сказала она, прижимая к себе брата. «Его зовут Чжао Сяодоу. Мой брат сказал, что его назвали Сяодоу, потому что он родился, когда созрели бобы. Мне семь, а Сяодоу пять».

«А как насчет твоего старшего брата?» — спросил Лу Яо, осторожно отодвигая дрова со дна горшка, все еще осторожный после того, как уже сжег один горшок.

«Моего брата зовут Чжао Бэйчуань. Бабушка Чжао сказала, что это потому, что когда моя мама родила его, они бежали на север, и он родился у реки, поэтому они назвали его Бэйчуань».

Лу Яо не мог не подумать про себя: *Семья Чжао, конечно, небрежна, когда дело касается имен.* Но, учитывая, что люди в эту эпоху боролись за выживание, имена были всего лишь ярлыками. Тот факт, что их не называли как-то вроде «Маленькая Кошка» или «Маленькая Собачка», уже был благословением.

«Невестка, ты такая красивая», — сказала Чжао Сяонянь, подперев подбородок руками и глядя на него не мигая. Невестка была даже красивее самых красивых юношей и девушек в деревне!

Лу Яо действительно был хорош собой, и это тело выглядело почти так же, как в его предыдущей жизни.

Тогда многие люди преследовали его, и теперь, будучи моложе на десять лет, его кожа была еще светлее, черты лица изящнее, а губы розовыми. Его длинные, иссиня-черные волосы ниспадали на плечи. Он нравился не только детям — даже взрослые были бы очарованы.

Лу Яо покраснел от комплимента. На самом деле, и Сяонянь, и Сяодоу тоже были красивы — они просто загорели до темного цвета от солнца. Если бы за ними правильно ухаживали, они бы выросли в двух красивых детей.

Когда каша была готова, Чжао Сяонянь проникательно принесла миски и палочки для еды.

Они втроем сели у плиты и съели всю кашу, не выплеснув даже немного остатков на дне горшка. Их животы были круглыми и полными.

После еды Лу Яо отвел двух детей во двор, чтобы вычесать вшей. У этих двоих было еще больше вшей в волосах, чем у него. Помимо черных вшей, ползающих по их головам, был еще

один вид белых вшей, которые не двигались.

Сначала Лу Яо находил это отвратительным, но через некоторое время вычесывание вшей стало странно удовлетворяющим. Легкий щипок между ногтями, и с «хлопком» вши умирали.

Когда он посмотрел на кучу трупов вшей у своих ног, Лу Яо вздрогнул. Ужасно, как быстро можно привыкнуть к чему-то.

Покончив со вшами, они втроем сняли одежду, чтобы помыться.

Когда Лу Яо женился, он принес с собой только одежду на себе, а также две рубашки и хлопчатобумажную куртку.

У Чжао Сяонянь и Чжао Сяодоу даже не было сменной одежды, поэтому у Лу Яо не было выбора, кроме как найти два чистых куска ткани из сундука и обернуть ими детей в качестве импровизированной одежды.

Погода была теплая, поэтому им не было холодно в такой одежде, и они могли снова переодеться, как только она высохнет.

—

Днем Лу Яо планировал убрать огород за домом.

Вчера, когда он пошел в туалет, он заметил небольшой сад за домом, который был оставлен без присмотра и теперь зарос.

Когда отец Чжао был еще жив, этот огород был засажен множеством культур. После его смерти Чжао Бэйчуань должен был заботиться об обоих детях, ухаживать за посевами на полях и охотиться в горах, чтобы свести концы с концами. Времени на уход за огородом не оставалось.

Обычно они просто собирали овощи из огорода бабушки Чжао и давали ей взамен десять вэней в месяц.

В этой династии разнообразие овощей, которые ели простые люди, было невелико. Капуста, лук-порей, пастушья сумка, редис и зеленый лук были основными. Иногда они собирали дикие папоротники и грибы. Но горы в древние времена были совсем не такими, как в наше время — они были нетронутыми, заросли густыми лесами, полными диких зверей, ядовитых змей и насекомых. Обычные люди не осмеливались туда заходить.